

Т. Н. Брысина

НОВОЕ КАК МОДУС СОЗНАНИЯ

Новое - очень распространенное слово. Им обозначают множество различных процессов, явлений, предметов. Но во всех случаях оно фиксирует какое-то изменение, произошедшее с этими явлениями, предметами, процессами.

Исходя из феноменологического понимания сознания, попытаюсь выяснить, что демонстрирует, представляет и раскрывает новое человеку и в человеке.

Итак, для любого человека новое ассоциируется со сменой чего-либо и появлением чего-то другого. Природа и характер таких изменений может пониматься и описываться различным образом. Этот *различный образ* есть не что иное, как форма самоорганизации сознания и одновременно «продукт» его жизнеосуществления. Способы самоорганизации суть различные акты: интенции (направленности на предмет), отношение к предмету (мыслимый, воображаемый, представляемый и т. д.). Любой интенциональный акт соотнесен с горизонтом всех возможных и актуально наличествующих предметностей, что и обуславливает его осмысленность. Другими словами, смысл есть видение чего-либо в различных и одновременно взаимосвязанных, взаимоотношающихся и взаимопредполагающих ракурсах как единого и одного и того же. Осмысление предмета (и соответствующего ему акта) возможно только как преобразование всего пространства сознания, то есть установления других соотношений между наличествующими предметами-смыслами. Следовательно, новое в качестве интенционального предмета «вписывается» в целостность других интенциональных предметов, образующих особый «регион». В нем каждый интенциональный предмет проясняет другие и проясняется другими благодаря интенциям, выстраивающим определенные структуры: лингвистическую, образующую синонимический ряд; воображением, рождающим пространственно-локализованные образы; мышлением, конструирующим значения и т. д. Эти интенции и соответствующие им предметности выступают условиями описания, представления изучения любого интенционального предмета, принадлежащего данному «региону», в том числе и такого, как новое.

Сказанное позволяет понять, почему оказывается само собой разумеющейся взаимосвязь нового, вновь родившегося, небывшего ранее, творческого и т. д. Все это интенциональные предметы, образующие единый регион. Каждый из них актуализирует значения всех и одновременно благодаря воображению все они образуют пространственно явленное представление в виде открытого, то есть незамкнутого и незавершенного. Это и делает *очевидным* то, что новое не может появиться в закрытом образовании любого вида. Новое и открытое - это полагающие и проясняющие друг друга предметности, обусловленные одновременно реализующимися разными интенциями, а вместе они организуются сознанием как область, имеющая в себе потенцию стать иной.

Конкретным проявлением такого существования сознания выступают различные эпистемологические конструкции, характерные для современной науки. В качестве иллюстрации можно привести социальную теорию и соответст-

вующую ей модель бытия общества, которые базируются на идее прогресса.

Прогресс в качестве интенционального предмета «вписан» в регион таких интенциональных предметов, как развитие, устремленность, создание (рождение) иного, перспективность и др. Каждый из перечисленных предметов приобретает значение только в связи с другими, а все вместе конституируются в смысловую целостность, которая и есть новое. Модели так понимаемого (познаваемого) общества всегда будут пространственно нагруженными и образно-оформленными в виде спирали, лестницы, стрелы, направленной вверх и т. п. Причем единство вербально-понятийного и воображаемо-образного ракурсов предполагается одновременной реализацией всех задействованных интенций, поэтому в рефлексии оно дано в форме само собой разумеющегося или очевидного.

При этом новое оказывается критерием прогресса, что свидетельствует о его особом статусе в целостности интенциональных предметов, а значит и наличии специфической интенции¹, устанавливающей этот статус, а также о структурированности данной целостности. Можно предположить, что именно эта структурированность работой воображения оформляется в виде пространственно явленных моделей. В свою очередь, такие модели, будучи зрительно воспринимаемыми как определенные, никогда не бывают завершенными. Их всегда можно продолжить (развернуть) опять-таки пространственно «в даль», «в глубину», «вверх». Такое их качество есть не что иное, как демонстрация средствами воображения особого состояния сознания: все входящие в «регион» интенциональные предметы образуют некую открытую область или топос².² Здесь разыгрывается событие, которое вербально, понятийно и образно являет факт рождения (конституирования) нового. Тем самым обнаруживается не только взаимообусловленность, но и взаимопринадлежность интенциональных предметов одной области, одному месту. При этом место не может быть заранее дано, то есть *быть* до конституирования как интенциональных предметов, так и региона в целом. Поэтому невозможно заранее предсказать факт нового, что означало бы наличие пустого места, т. е. такого, где ничего не происходит. Этим объясняется невозможность заранее предвидеть, заранее спланировать понимание (осмысление) чего-либо. Рождение смысла (или конституирование нового как интенционального предмета), как уже отмечалось выше, есть одновременно и оформление места «для него», то есть преобразование всего региона соответствующих предметностей.

Сознание не может быть в таком случае представлено и описано как индифферентное вместилище какого-либо содержания. Это, в свою очередь, полагает наличие такого его качества, как постоянная активность. Иначе, новое и есть демонстрация активности. Означает ли это, что сознанию всегда присуще рождение нового? Ответ заключен уже в названии статьи - нет, не означает. Новое - это модус, а не атрибут сознания. Другими словами, активность не ис-

¹ Таковой здесь, на мой взгляд, выступает ценностная установка, что с необходимостью вызывает расположение интенциональных предметов в пространстве сознания в виде иерархии, в которой новое и занимает определяющее (критериальное) положение.

² Здесь данный термин употребляется в аристотелевском значении - место-пространство.

черпывается конституирующими актами, а содержит и другие варианты активности. Для нас интерес представляет, прежде всего, репродуктивная деятельность мышления. Эта интенция также образует «свой» регион специфических интенциональных предметов, пространственно представляемый в виде замкнутой целостности.

Конструирующая работа мышления - это разделение, собирание и перестановка. Поэтому при « первом взгляде» на нее возникает представление о создании нового в этом нескончаемом аналитико-синтетическом процессе.

Однако это «новое» не вписывается в тот регион интенциональных предметов, о котором говорилось выше. Оно имеет «свой» регион, где наличествуют такие слова, как «целеполагание», «целереализация», «проект». Наглядной моделью для этого региона может послужить калейдоскоп, где путем перемены мест заданного числа неизменных элементов образуется n-ое количество узоров. Оно может быть сколь угодно большим, но никогда бесконечным. Перебор всех возможных вариантов означает завершенность деятельности по созданию/изобретению «нового». Именно поэтому речь идет о замкнутой (закрытой) целостности, т. е. о такой, где уже предзадано событие создания «нового» в какой-то момент времени. При этом сам момент может и не прогнозироваться, но он всегда предполагается как реально осуществимый в будущем. Тем самым обнаруживается еще одно значение закрытости как исчерпаемости, что, собственно, характеризует ее «местность» в виде автономного качества, остающегося неизменным, несмотря на происходящие в закрытой области перестановки. В ней интенциональные предметы остаются в устойчивом состоянии, их событие занимает одно и то же место и вербально описывается как неизменность, стабильность, покой. Именно здесь образуется значение таких понятий, как абсолютная истина, мировая константа, идеальное общество и т. п. Если попытаться выразить сказанное образно, то это будет река, несущая корабли. Каждый такой «корабль» и есть интенциональный предмет. Совокупность всех их, движущихся в потоке сознания, но относительно друг друга остающихся в неизменном положении, есть та область, которая фундирует метафизическую³³ установку в онтологических, гносеологических, методологических и прагматических реализациях сознания. Не случайно, что в мыследеятельных конструкциях, являющих такую активность сознания, новое никогда не имеет критериального статуса. Напротив, оно занимает место «на обочине» пространства, которое организуется по принципу «центр-периферия» («горизонтальность»), тогда как в открытой целостности пространство «вертикально», что и демонстрируется в образах-моделях. Таким образом, в зависимости от реализуемых сознанием способов организации интенциональных предметов новое приобретает тот или иной статус в целостности («регионе»), который, в свою очередь, так или иначе эту целостность характеризует, обуславливая язык описания и образное выражение.

Реализация устойчивости не может осуществляться без усилия. Возможно, она требует даже большего напряжения, чем осуществление состояния преоб-

³³Здесь метафизичность используется в двойном значении - аристотелевско-гегелевском.

разования, поскольку «противостоит» временному характеру сознательного бытия. Источником для сохранения устойчивости и неизменности, вероятно, служит психическая «компонента» человеческой жизни, оформляющаяся в виде чувственно-эмоциональных состояний, которые представляются сознанием как мотивы, желания, настроения. Эти представления, в силу одновременности действия всех интенциональных актов, приобретают ценностное значение и тем самым организуются в более или менее устойчивые структуры, катализирующие поток психической энергии. В этом случае сознание живет, воспроизводя уже известные значения, а человек руководствуется в своей жизнедеятельности устоявшимися системами ценностей, не обращая на них внимания, т. е. не отдавая себе отчет об условиях своих желаний, мотивов, надежд, поступков. Так образуется привычка не думать о самом себе, не воспринимать и не переживать себя в качестве источника и носителя сознательности (духовности). Сознание оказывается ориентированным во вне, даже себя представляя в виде внешнего образования, например, объекта исследования или абсолютного духа, либо устойчивого набора поведенческих и ментальных черт характера (экстравертный или интровертный⁴). Человек оказывается захваченным внешними вещами, потому что сам идентифицирует себя как вещь. Образ его мысли о собственном сознании выступает определяющим его поведение в им же самим организованным мире как совокупности вещей. Так складывается примордиальная область человеческой жизнедеятельности, сфера само собой разумеющегося, спонтанно реализуемого в актах человеческого самоосуществления. Она задает и пространство для него, и масштаб для чувственного опыта и действий прагматического характера. В том случае, когда в ней превалирует репродуктивность, создающая квазиновое, или, иначе, не рождаются и не переживаются смыслы, человек оказывается легкой добычей в руках масс - культуры, беспрепятственно осуществляющей манипуляции с *привычными* ценностными системами, жизненными ориентирами, не говоря уже о пристрастиях, вкусах и потребностях.

⁴ В том и другом случае характер мыслится как некая самостоятельная «вещь», вложенная в человека, им управляющая и неизменная